

ПАРАДОКСЫ НАУЧНОГО ЭТОСА

Аргамасова Александра Александровна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: argamakova@gmail.com

Концепция научного этоса Р. Мертон описывает нормы и ценности, регулирующие познавательную практику ученых. В соответствии с ее установками, наука обладает выделенным статусом и способностью играть роль арбитра в обществе и культуре. Тем не менее данное представление о науке сталкивается с парадоксами и противоречиями, связанными с ее основными принципами и сопряжением научного познания с социальной практикой. В статье осуществляется попытка осмысления данных вопросов и поиска способов разрешения ряда парадоксов, возникающих вокруг идеи научного этоса.

Ключевые слова: наука, Мертон, парадокс, нормы, ценности, коммуникация

THE PARADOXES OF SCIENTIFIC ETHOS

Alexandra Argamakova – PhD in Philosophy, junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. e-mail: argamakova@gmail.com

R.K. Merton's idea of scientific ethos describes the norms and values, which regulate the cognitive practices of scientists. According to it, science has the special status and plays the role of referee in society and culture. Nevertheless, such view of science provokes the paradoxes and contradictions, connected with the basic principles of the conception and the application of science to practice. In the article, this theme will be analyzed at some extent, and the possible decisions of paradoxes around the scientific ethos will be outlined briefly.

Keywords: science, Merton, paradox, values, norms, communication

Этос науки составляют нормы и ценности, регулирующие познавательную практику ученых. Природу научного этоса Р. Мертон раскрывает через понятия «институциональных императивов», «норм», «морали», т. е. этических аксиом или идеалов интеллектуальной деятельности. Р. Мертон наделяет научный этос соответствующим смыслом, но именно поэтому становится уязвимым для критики за догматичность постулируемых принципов, которая ставит под вопрос критичность самой науки, обоснованность ее выделенного статуса и, в конечном счете, способность быть арбитром культуры и общества. Упрек кажется настолько справедливым, насколько неразрешимым. Универсальность, коллективизм, беспристрастность и скептичность науки должны отличать ее от прочих форм и практик познания. Впрочем, эти же принципы превращают ее в нечто противоположное по смыслу, в разновидность идеологии, если предполагается запрет на ревизию оснований научной рациональности, связанных с идеей научного этоса. Этос, охраняющий бастионы достоверного научного знания, оказывается внутренне коррумпированным, парадоксальным образом сочетая установку на критическое познание действительности с догматизмом исходных установок.

На сегодня наука не стала единственной организующей силой общественного устройства, но широко признана в качестве ключевой опоры государства и общества. Вопреки возможным теоретическим парадоксам на деле научному подходу к решению проблем отдается предпочтение, а значит, за нормами, ценностями, интеллектуальными и коммуникативными стратегиями науки признается когнитивное и практическое преимущество. Если научная опора практики возможна и более эффективна, то она предпочтительнее. Однако с точки зрения теории, как замечают в своей статье Р. Бараш и А. Антоновский, создается впечатление, что понимание научного этоса и обоснование преимуществ науки сталкивается с неразрешимыми парадоксами. Насколько такое впечатление верно, а парадоксы действительно неразрешимы?

По словам Р. Мертона, «институциональные императивы (нормы) производны от цели и методов (науки. – А.А.). Целостная структура технических и моральных норм способствует достижению конечной цели. <...> Нормы науки связаны с методологической рациональностью, однако, их придерживаются не только по причине процедурной эффективности, но также из-за веры в их правильность и справедливость. Они являются этическими в той же мере, как и техническими предписаниями» [Merton, Storer, 1973, p. 270]. Таким образом, нормы и ценности науки не внерациональны. Они закрепляются в практике ученых по соображениям процедурной эффективности в деле получения достоверного научного знания. На этом пути, мне кажется, парадокс с догматичностью может быть устранен. Противоречия возникают, если акцентируется первый смысл идеи научного этоса. Но ее второй смысл указывает на то, что нормы научного этоса могут быть поняты не по аналогии с идеей категорического императива И. Канта, а скорее как практически оправданные максимы интеллектуальной деятельности в духе прагматизма Ч. Пирса. Парадоксальность, таким образом, вызвана сложностями согласования двух смыслов идеи научного этоса по Р. Мернтону, которые устраняются при обращении к трактовке норм этоса науки как максим практической (научной) деятельности.

При подобном подходе, соответственно, нормы и ценности научного этоса не априорны, а эмпиричны. Они вырабатываются, применяются и сохраняются в практике ученых до тех пор, пока целесообразны и эффективны в отношении получения достоверного научного знания. Скептицизм науки может быть направлен и против ее собственных основ, другой вопрос – скажется ли плодотворно отказ от мертоновских норм на результатах научных исследований. Ответ на него зависит от конкретного практического и социального контекста работы ученого, определяющего его выборы правилсообразных линий поведения.

Попперовский и мертоновский скептицизм как черта научного мышления в приложении к социальной практике может выступать как дестабилизатором общественного согласия, так и способствовать его достижению на новых основаниях. Даже если «скептицизм представляет угрозу текущему распределению власти» [Merton, Storer, 1973, p. 278], он же может приводить к вскрытию противоречий и выработке рационального консенсуса. Вероятно, и другие парадоксы научного этоса, существование контрнорм и амбивалентность ученых [Merton, 1976] также могут быть осмыслены через обращение к идее практических максимумов и описание конкретных условий, в которых оправдано действие противоположных норм.

Список литературы / References

Merton, 1976 – Merton, R. “The Ambivalence of Scientists”, in: R. S. Cohen, P. K. Feyerabend, M. Wartofsky (eds.). *Essays in Memory of Imre Lakatos*. Dordrecht: Reidel, 1976, pp. 433–455.

Merton, Storer, 1973 – Merton, R., Storer, N. *The sociology of science: theoretical and empirical investigations*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. 605 pp.